

НА ПЕЧОРЕ

(Фольклорные экспедиции Института русской литературы АН СССР)

В дореволюционное время на Печоре бывали очень немногочисленные бытописатели, оставившие этнографические, статистические и экономические отчеты о своих поездках. О фольклоре Печоры в этих работах написано очень мало. Между тем Архангельский край издавна был и поныне является сокровищницей народного поэтического творчества. Во многих лесных селениях, расположенных по берегам Пинеги, Мезени, Печоры и их притоков, веками жила эпическая традиция, звучали лиро-эпические, лирические и обрядовые песни многовековой давности. Сохраняясь в живом быту, они и до наших дней не утратили своей художественной ценности.

В Усть-Цильме и некоторых других печорских селениях в начале XX в. работал фольклорист Н. Е. Ончуков, опубликовавший свои записи печорских былин, некоторое количество сказок и обрядовых величаний¹. Былины и сказки Печоры издали участники Печорской экспедиции Государственного института истории искусств в 1929 г. А. М. Астахова и И. В. Карнаухова². Но песни Печоры, хотя и были в большом количестве собраны той же экспедицией, до сих пор не опубликованы³.

Сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР продолжил собирание и исследование песенных богатств Русского Севера и организовал специальную экспедицию на Печору. Огромная территория, подлежащая обследованию, затрудненность передвижения, обилие материала для записи — все это заставило разделить экспедиционную работу на два года: лето 1955 г. было посвящено обследованию территории по средней Печоре, лето 1956 г. — районов низовий реки.

Первая экспедиция ИРЛИ в составе четырех человек выехала из Ленинграда в начале июля 1955 г. Основными центрами ее работы были Усть-Цильма и деревни Усть-Цилемского района. По приезде на место первой задачей экспедиции было ознакомление с хозяйством и бытом района. Усть-Цильма, основанная новгородцами в середине XVI в., в наше время представляет собой очень большое селение (районный центр) на правом берегу Печоры. Дальше по берегу в обе стороны радиусом около 100 км расположены села, входящие в Усть-Цилемский район. Суровые природные условия не давали возможности заниматься в этих краях земледелием, но обширные заливные луга на левом берегу реки издавна определили основное занятие жителей — скотоводство и молочное хозяйство.

Быт усть-цилемского населения (в прошлом в основной массе — староверческого), отделенного просторами «тайболы» (тайги) от центральных районов страны, сложился до 1917 г. замкнуто; отсутствие путей через тайгу, бездорожье в осенние непогоды, в зимние метели и в весеннюю распутицу позволяли жителям поддерживать отношения только с ближайшими соседями, к которым можно было пройти или проехать по берегу, не пересекая реки. Крепкие традиции прадедовской промысловой и сельскохозяйственной техники, веками укоренившиеся традиции в бытовом обиходе способствовали сохранению многих архаических черт в быту, искусстве и одежде жителей Усть-Цилемского района. Женщины здесь сейчас еще носят старинные сарафаны и кички, вяжут особым образом узорные рукавицы и толстые шерстяные чулки — пестрые от ступни до колен для мужчин, одноцветные с пестрой каймой у колена для женщин; в непогоду носят черные суконные «совики» (своеобразный тип одежды с рукавами и капюшоном), предохраняющие от пронзительных печорских ветров. В весенние праздники девушки наряжаются в шелковые сарафаны и парчовые «коротеньки», напоминающие уборы допетровской Руси. В Петров день (12 июля) в вечерних сумерках за околицей в селах проводят старинный праздник «петровщину» — жгут на горках и луговинах костры и в складчину варят на них традиционную кашу из пшена; с песнями и смехом ее съедают тут же у костров, после чего всю ночь идет гулянье молодежи.

Наряду со всем этим, жители Усть-Цильмы ходят в библиотеку, в клуб, смотрят фильмы, молодежь носит в будни обычное городское платье; когда пароход привозит в местный магазин новые партии товаров, сюда собирается вся Усть-Цильма.

В домашнем хозяйстве усть-цилемского населения много самодельной утвари — берестяных туесов, долбленных из цельного дерева корыт и бадеек, разнообразных плетеных коробок — вместилищ для крупы, муки и соли. В некоторых семьях можно встретить старинные палки для игры «бачом» (тип лапты); палки эти, длиной в 50—60 см, в старину украшали резьбой и росписью, их дарили парни девушкам-невестам. Все эти предметы живут в повседневном обиходе среднечорцев, создавая в целом своеобразную картину сохранения местной старинной художественной народной культуры.

¹ Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904; его же, Печорские стихи и песни, СПб., 1908; его же, Северные сказки, СПб., 1909.

² «Былины Севера». Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой, т. I. Мезень и Печора, Л., 1938; «Сказки и предания Северного края». Запись, вступительная статья и комментарий И. В. Карнаухова, Л., 1934.

³ Лишь некоторое количество печорских песен в записях Н. П. Леонтьева опубликовано в его сборнике «Печорский фольклор», Архангельск, 1939.

туры. Это впечатление еще более укрепляется при знакомстве со среднечорским фольклором.

По-видимому, население Усть-Цилемского района долгое время сохраняло фольклорный репертуар, который был занесен сюда новгородцами 400—500 лет назад. С течением времени отдельные старые произведения забывались и частично заменялись другими, которые проникали в Усть-Цильму «из России» в XVIII и XIX вв. В современном фольклоре среднечорцев имеются различные произведения (в частности — песни), которые частично сложились в XIX, а в большом количестве — в XVIII в. и в более ранние столетия. Достаточно сказать, что в Усть-Цилемском районе до сих пор поются былины. В 1955 г. эпическая традиция в Усть-Цильме и ее окрестностях была, несомненно, менее крепкой, чем за полстолетия до этого, во времена исследовательской работы Ончукова. Однако экспедиции ИРЛИ удалось отыскать в самой Усть-Цильме нескольких исполнителей (в том числе Т. С. Дуркина 80 лет и Г. В. Вокуюева 72 лет), от которых были записаны интересные былинные тексты и напевы.

Наряду с былинами не меньшей популярностью в Усть-Цильме и ее окрестностях пользуются старые песни. Экспедиция ИРЛИ привезла около 400 песен — лирических и лиро-эпических, игровых («горочных»), величальных «вечериночных» припевок и старых обрядовых величальных, исполнявшихся на святках. На средней Печоре исстари существовал обряд колядования, причем исполнялись свои, местные колядки, близкие по типу к колядкам других районов, и своеобразные торжественные «виноградья», которые и в прежнее время не были записаны в таком виде нигде, кроме Печоры. Эти полуэпические величания (с припевом через строку «Виноградье красно-зеленое») славил как самого хозяина дома («Виноградье женатое»), так и отдельно его взрослых дочерей-невест и сыновей в возрасте женихов («Виноградье холостое»). Виноградья в наши дни исполняются преимущественно детьми во время колядования в виде игры, не имеющей никакого религиозного оттенка. Запись их в 1955 г. в Усть-Цильме близка к записи Ончукова, сделанной здесь же в начале XX в.⁴

Припевки, принадлежащие к старому песенному слою, — более мелкая разновидность величальных песен, коротенькие образные песенки лирического содержания; они исполнялись на молодежных вечеринках в честь той или иной молодой пары. Для примера приведем одну из них:

Вдоль по бережку конь бежал,
 Да вдоль по крутому вороненький,
 Да конь головушкой покачивает,
 Да золотой-то уздой натряхивает,
 Да стременами пошевеливает.
 Да тут упал Иванушка с коня,
 Да упал, упал у нас Тихонович с добра,
 Да вспоминает свою любушку,
 Да Александрюшку голубушку.
 — Да где-то, где-то моя любушка,
 Да Александрюшка голубушка?
 Да без белил она белешенька,
 Да без румян она алешенька,
 Да колачами была вскормленная,
 Да прынками да лицо сбеленное...

В наши дни «припевки» исполняются на вечерних гуляньях молодежи в клубе, под некоторые из них молодежь пляшет.

Песни «горочные» исполнялись прежде на весенних гуляньях — «горках» на берегу Печоры. К ним относится ряд старых хороводных песен, принадлежащих к русской народной песенной классике («По загороду гуляет царев сын», «Винный наш колодец», «Един нов монастырь становился» и т. п.). На «горки» в Усть-Цильму съезжалась прежде молодежь с Пижмы, с Цильмы и из других окрестных деревень. Сегодня эти большие «съезжие» праздники проводятся в значительно меньших объемах, так как календарно они обычно совпадают с началом и разгаром полевых работ в колхозах; однако горочные песни известны на средней Печоре как старшему поколению, так и младшему.

Что касается свадебных песен, то ни в 1929, ни в 1955 г. нам не удалось найти свадебного песенного цикла, который был бы приурочен к таким повсеместно известным моментам русской свадьбы, как сватанье, рукобитье, девешник и др. По-видимому, это объясняется отсутствием на средней Печоре развитого свадебного обряда, которого не справляли и не знали староверы, основные жители Усть-Цильмы. Местное население называет свадебными те лирические песни, которые исполняются и теперь на свадьбах,

⁴ См. Н. Е. Ончуков, Печорские стихи и песни, стр. 31.

но это совсем не тот классический свадебный репертуар, который бытовал (а частично и поныне бытует или сохраняется в памяти) у населения других районов Архангельского края.

«Протяжные» песни распространены в Усть-Цилемском районе очень широко; состав их разнообразен. К ним относятся песни различной тематики: исторические, лиро-эпические («молодецкие» — атаманские, солдатские, рекрутские), лирические любовные и семейные.

Наиболее старые исторические песни известны отдельным пожилым исполнителям, преимущественно бывшим солдатам. Они охватывают темы от времен татарского нашествия до первой мировой войны. Одной из самых любимых и популярных у стариков и у подростков является песня о походе Степана Разина на Астрахань. Среди старых лиро-эпических, любовных и семейных встречаются песни с очень хорошей текстовой сохранностью, значительно более цельные, чем во многих других районах, принадлежащие по содержанию и поэтике к старой народно-песенной классике⁵.

Лирические «частые» сопровождают пляску. Среди них есть как варианты народных плясовых песен, известных уже в публикациях XVIII в. («Во селе, селз Покровском», «По улице мостовой», «Куревушка, курева» и др.), так и более поздние.

Замкнутость быта среднечорцов сказалась в прошлом на репертуаре частушек, в котором преобладают мотивы любовной лирики и сравнительно немного новых злободневных тем.

Прямо против Усть-Цильмы в Печору впадают два ее притока — Цильма и Пижма: один — с севера, другой — с юга. С Усть-Цильмой пижемцы и цилемы были издавна связаны и родственными, и деловыми отношениями, но через беспокойную широкую Печору ездили обычно друг к другу не часто. После завершения работы в самой Усть-Цильме и ее ближайших окрестностях наша экспедиция выехала на Цильму: ее селения, как и селения Пижмы, представляли для нас интересные объекты обследования.

На Цильме были записаны те же разновидности песен, что и в Усть-Цильме, и, кроме того, былины — от одаренных сказителей: Н. Ф. Ермолина 70 лет в дер. Трусовской и Л. М. Носова 76 лет в Кривомерной.

По возвращении на основную базу экспедиции — в Усть-Цильму — часть сотрудников направилась на Пижму, верховья которой еще никогда не посещались фольклористами.

Между Усть-Цильмой и верховьями Пижмы по мере надобности курсируют маленькие двухместные самолеты. В течение 30 минут они покрывают пространство, которое в лодке можно проплыть только за трое суток, и опускаются в лесу на поляне неподалеку от дер. Скитской.

Эта деревня возникла на месте Великопожненского скита, основанного в XVII в. старообрядцами, переселившимися на Пижму из других районов северного края. Великопожненский скит был расположен в живописной и глухой местности, в лесу у реки. В 1744 г., не желая подчиниться распоряжениям правительства, обитатели скита в количестве 86 человек заперлись в нем и сгорели на глазах у окружившего их воинского отряда⁶. Позднее скит был восстановлен и просуществовал до середины XIX в. По-

⁵ В качестве образца может быть приведена хотя бы такая песня:

Белая березонька да призадумалася,
 Призадумалася, ой да горькая да осинушка закручинилася,
 Закручинилася, ой да дубовые листочки все шумят-то они гремят,
 Да гремят, ой да шумят ой гремят листочки, да молодца Ваню да бранят,
 Ванюшу бранят, ой да журят Ванюшу — все жениться да велят,
 Все жениться да велят, ой да женись, женись, Ванюша, споженись, друг да
 Иван,
 Друг Иван, да рад бы я да жениться — только воля да не моя,
 Воля не моя, ой да воля батюшкова, ой воля матушкина,
 Эх, матушкина, ой да рад бы я да жениться — я не знаю, кого взамуж
 взять,
 Кого взамуж взять, ой да взял бы, взял я да купеческую дочь — надо лавкой
 торговать,
 Лавкой торговать, ой да взял бы я да поповскую дочь — ох, надо грамоты-
 то достать,
 Грамоты да достать, ой да возьму да крестьянскую дочь,
 Крестьянскую дочь, ой да пойду с ней в поле работатъ...

⁶ Скитники «сожгоса, и загореса хранина, и бысть шум пламенной яко гром и пламень огненной в мгновение ока охвати всю хранину, и тако старейший Иоанн Анкидинов скончался огнем и с ним обоего пола мужеского и женского числом 86 душ месяца декабря в 7 день» («Рассказы из истории старообрядства по раскольничьим рукописям, переданные С. Максимовым», СПб., 1861, стр. 162).

среди деревни до наших дней сохранилась поляна, где произошло самосожжение скитников, и за нею «Большой Могильник», т. е. сосновая роща-кладбище с ветхими домищами («струбцами») и резными надгробиями-столбиками, сохранившими поблекшие следы красной, синей и кое-где желтой краски.

В прошлом влияние скита на местный быт, по-видимому, было очень велико. В скиту учили грамоте, особым культовым распевам, что наложило свой отпечаток на местную народно-песенную культуру; в свое время основатели скита принесли сюда песни, легенды, пословицы и другие виды фольклора, не известные в селах новгородской колонизации на Цильме и в Усть-Цильме⁷.

В бытовом обиходе пижмцев сохраняется еще больше, чем у цилемского и усть-цилемского населения разнообразных кустарных художественных изделий. Тут издавна процветали местные художественные ремесла. В дер. Замежной плетут и ткнут по старинным образцам узенькие пестрые женские пояски с кистями на концах; выделывают расписные деревянные ложки с резными ручками, посуду из дерева и бересты, нередко украшаемую резьбой и раскраской также по образцам вековой давности. Особенно интересны грабли с резными и раскрашенными спинками, сохранившиеся в ряде семейств от дедов. В дер. Загрявочной выделывают старинной техникой берестяные «коробочки» с секретными выдвижными крышками и туеса с тисненным рисунком. Деревянные утки — «солоньцы», берестяные копилки и другие затейливые бытовые предметы распространены во многих деревнях на Пижме.

Наше внимание привлекла также своеобразная форма местных колодцев, имеющих на поверхности земли не обычные бревенчатые срубы, а колоды, выдолбленные из огромных пней. Своеобразными показались и средства перевозки кладей: в связи с тем, что «тележных» дорог в тайге почти нет, кладь и летом перевозят на санях-волокушах; при этом возница, как правило, не сидит на санях или не идет рядом, а едет верхом на лошади. Все эти черты старинного бытового уклада в наши дни еще сосуществуют с новым бытом. По свежепроложенным дорогам сквозь тайгу движутся грузовики и тракторы; на скотных дворах — новейшее оборудование; колхозники получают газеты и журналы; молодежь уезжает учиться в институты.

Это сочетание живых традиций старины с новой жизнью поражает на Пижме (как и в других районах средней Печоры) своим своеобразием.

Ближайшие деревни от Скитской — Степановская, Чуркина, Никоновская, стоящие вниз по течению Пижмы, основаны, по преданию, «оженившимися» выходцами из скита, которых как «женивых» (женатых) в скиту держать не могли. Во всех этих селениях, как и в расположенных еще ниже по реке деревнях Загрявочной, Замежной, Абрамовской и Боровской, бытовал разнообразный старый фольклор. Сильное впечатление произвела на нас встреча в дер. Абрамовской с исполнителем былин Е. П. Чупровым, колхозным конюхом, необычайно талантливым сказителем. Е. П. Чупров, наследственный хранитель былинной традиции в семье Чупровых, в 1929 г. пел былинны вместе со старшими братьями и сыном, тогда пятнадцатилетним подростком. К 1955 г. этот коллектив распался: старики уже не могли петь из-за дряхлости, сын уехал из родных мест. Но Е. П. Чупров, в возрасте 67 лет еще не утратил своего мастерства и значительно выделялся среди сказителей Пижмы, Цильмы и Усть-Цильмы.

Свыше 400 записей песен, сотни частушек, сотни музыкальных записей на магнитофоне, несколько сотен фотографий, рабочие зарисовки с натуры и много бытовых предметов — таков результат семинедельной экспедиции ИРЛИ на Печору в 1956 г.

* *
*

Экспедиция 1956 г. выехала в Нарьян-Марский район, расположенный в низовьях Печоры. Город Нарьян-Мар, находящийся примерно в 130 км от устья Печоры, насчитывает уже около четверти века своего существования. Он имеет своеобразный характер полярного города-новостройки, быстро растет. У причалов Нарьян-Мара стоят большие морские пароходы — советские и зарубежные, грузится уголь.

Низовья Печоры были в конце XV в. колонизованы Москвой: воеводы, присланные сюда с войском, основали городок Пустозерск и положили начало дальнейшему заселению края москвичами. Общение с внешним миром было на нижней Печоре значительно более оживленным, чем в Усть-Цилемском районе. Сюда издавна приходили корабли из Архангельска и из-за границы; здесь бывало немало случайных приезжих людей. Все это влияло на общий характер местной культуры; в села стали издавна проникать городские товары и предметы быта — посуда, мебель, одежда. В советское время началась разработка природных богатств Заполярья; рыболовецкая промышленность была полностью механизирована; в Нарьян-Маре открылись школы, музей, большие магазины, стала издаваться газета. Все это создавало совсем иные условия для развития местного быта (а следовательно — и фольклора), чем на средней Печоре.

⁷ Из новейших работ о Пижме Печорской см. В. И. М а л ы ш е в, Пижемская рукописная старина, Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, т. XII. Л., 1956, стр. 461.

Древнейший слой нижнепечорской народной поэзии — былины, обрядовые и вне-обрядовые песни, — по-видимому, был принесен сюда первыми русскими колонистами и затем гораздо интенсивнее, чем в Усть-Цилемском районе, подвергался воздействиям со стороны. Ныне былинная традиция в массе населения уже забыта. Однако в отдельных селениях можно встретить сказителей (обычно стариков) с большим былинным репертуаром. Экспедиции 1956 г. удалось услышать сказителей в деревнях Оксине, Лабожском, в Тельвиске и в самом Нарьян-Маре, причем два сказителя — Т. С. Кузьмин 63 лет (Тельвиска) и А. Ф. Пономарев 70 лет (Нарьян-Мар) оказались на редкость талантливыми исполнителями былин. Всего от различных исполнителей этой экспедицией было записано на магнитофон 35 пространных художественно-полноценных былинных текстов на многочисленные и разнообразные сюжеты, некоторые — в очень редких вариантах.

Песни величальные на нижней Печоре издавна были известны в двух циклах — святочные и свадебные. Святочные представляют собой интересные варианты среднепечорских «колядок» и «виноградий», но помнят их теперь только самые глубокие старики. Свадебные являлись в старину частью развернутого свадебного обряда Московской Руси, занесенного колонистами в нижнепечорскую тундру, и по своему содержанию и художественным образом сходны с целым рядом старых свадебных песен средней России. На нижней Печоре и поныне свадебные величания еще исполняются на колхозных свадьбах.

Величальных посидочных «припевков» на нижней Печоре нет и не бывало, так как не было обычая сходиться на посиделки. Нет здесь и «горочных» весенних песен среднепечорцев: вместо них имеются «игромые», в число которых входят некоторые старые русские народные игровые песни; они разыгрывались весной на луговинах между разлившимися «курьями» и «шарами»⁸. Но в основном «игромые» — это песни, сопровождавшие гулянье по избе в одну или две пары, почему они и назывались «двойные» и «четверные». Исполнялись они на свадьбах перед гостями, сидевшими вдоль стен и наблюдавшими за весельем молодежи. По своему напеву, содержанию и поэтике «двойные» и «четверные» игромые близки к старым плясовым песням⁹.

Наряду с величальными и игромыми экспедицией было собрано большое число старинных протяжных песен — исторических, лиро-эпических, «молодецких», лирических любовных и семейных. Репертуар их за некоторыми исключениями не совпадает с репертуаром средней Печоры, хотя и принадлежит также к очень старым слоям русской народной песенной классики. Среди старых исторических имеется песня о «сынке» Степана Разина, несколько вариантов песни о Платове, о Паскевиче, о Лопухине и другие, малоизвестные или совсем неизвестные в Усть-Цилемском районе.

В числе лиро-эпических почти нет песен «атаманских», известных на средней Печоре, но значительно больше рекрутских и солдатских старинных песен. Лирические любовные и семейные составляют здесь, как и на средней Печоре, самую большую часть среди старых протяжных песен. В основном они известны старикам. Молодежь поет много городских песен-романсов и песен советских композиторов. В дер. Осколкове и в Нарьян-Маре экспедиции удалось записать две новые лирические песни, сложенные местной молодежью в манере массовых песен современных композиторов.

В нижнепечорских частушках поется о трудовой жизни людей, о любви, о родной реке, о местных промыслах, природе богатого края.

Ой, куда я залетела,
Все моря, моря, моря,
Только вижу сине море,
Катера да якоря.

⁸ «Курья» — старица реки, «шар» — залив.

⁹ Например:

По морю корабличек бежал-таки бежал,
По кораблику детинушка гулял-таки гулял,
В звончатые гусли детинушка играл-таки играл.
Поиграйте, гусли-мысли, вы теперича при мне.
Вы теперича при мне, да при дородном молодце.
У детины мать родима таки речи говорила:
— Полно, парень, перестань, да прочь от девушек отстань.
— Родимая моя мать, да тебе меня не унять,
Тебе меня не унять да за быстру реку гулять,
За быстру реку гулять, да ко вдовушке спобывать...

На Печоре, на Печоре
 Лядиночка растаяла,
 Увидала я дружка,
 Которого не чаяла.

Раскололася Печора,
 Замутилася вода.
 Рыб-артели ставят рюжи
 И ставные невода.

На Печору выезжала,
 Поднимала два весла.
 С старым дролечкой я встретила —
 И снова весела.

Экспедицией собраны фольклорные материалы в больших деревнях — Лабожское, Великая Виска, Оксина, Бедовое и в деревеньках, примыкающих непосредственно к окраинам Нарьян-Мара, а также в Куде, Тельвиске и Пустозерске. На небольшом моторном боте двое сотрудников экспедиции прошли к Баренцову морю и сделали ряд записей в селениях Андег и Осколково. Жители этих заполярных деревень — рыбаки и охотники — добывают семгу и нельму, в тундре промышляют горностаев, соболей, песцов и разнообразную дичь. Есть в Нарьян-Марском районе ряд колхозов-миллионеров. Во время пребывания в дер. Осколково нам удалось побывать в одном из рыбацких становищ и наблюдать его жизнь в непосредственной будничной обстановке.

* * *

Район советской Печоры представляет большой интерес для туристов и художников, дает особенно богатый материал советским этнографам и исследователям устной народной поэзии. Этот район — своеобразная творческая лаборатория, где можно сейчас наглядно наблюдать процесс становления новой народной социалистической культуры, использующей традиции старинного русского крестьянского быта. Процесс этот заметен в различных проявлениях как местного экономического и бытового уклада, так и местного искусства. В частности проявляется он и в печорской песне, где навыки старого народного вокального мастерства в сочетании с современной песенной культурой могут создать самые благоприятные условия для развития новой советской народной песни. Сопоставление записей, произведенных в 1929 и в 1955—1956 годах, показывает некоторые интересные сдвиги и изменения в печорском песенном фольклоре. Нет сомнения, что следующая экспедиция, которая должна быть организована на Печору через несколько лет, даст еще больше материала для истории народной песенной классики и развития советской народной песни.

Н. Колпакова

ЭКСПОЗИЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ МОЛДАВСКОМУ НАРОДНОМУ ПРИКЛАДНОМУ ИСКУССТВУ

Государственный историко-краеведческий музей Молдавской ССР к началу 1958 г. подготовил и открыл новую экспозицию (рис. 1), которая ярко демонстрирует богатство и национальное своеобразие молдавской культуры. Как по количеству выставленных предметов, так и по осуществлению тематического замысла, эта экспозиция лучше предыдущих и может быть названа первой экспозицией, дающей более или менее полное отображение искусства народных мастеров.

Выставка, занимающая всю площадь второго этажа здания музея, начинается с показа ковров.

Молдавские ковры — это целая область народного искусства, и правильно сделали организаторы выставки, заняв коврами большую часть экспозиции. Ковроделие в Молдавии издавна являлось традиционным крестьянским ремеслом, а ковры — неотъемлемой деталью домашнего быта. Настенные ковры, ковровые дорожки и покрывала широко использовались и используются сейчас в украшении дома. «Скоарцэ», «рэзбой», «пэретар», «лэичер», «цол», «кодрел» — это многообразие терминологии ковровых изделий свидетельствует об их широком распространении и разнообразном назначении.